

Каникулы школьников

Встреча в пионерском лагере

Встреча с интересным человеком

«Космическая галерея» Яр-Кравченко

Лучшему, искающимся ульбке Юрию Гагарину. Как живой, он смотрит с портрета в мастерской народного художника РСФСР А. И. Яр-Кравченко. Много здесь картин, рисунков — готовых и волнившихся. Словом, при вычай рабочей обстановки творческой лаборатории. Вот только Юрий Гагарин, кажется, запрятал свой ульбкой какого-то переступает по-рот мастерской с картинами, а впереди стояла своего бессмертия.

Видно, по случайно художник поставил портрет перво-протодина Всеполиной у самого входа. Пинак, рядом с авторской подпись, значится год исполнения — 1961. Знаменит, писал на горячим следом. Портрет, надо сказать, хорошо знакомый — проходилось видеть его на выставках, в книгах, на открытках и конвертах. И потому — согласно письменному журналисту правилу — пытаемся разговор «о конце» — о новостях, последних работах мастеров.

— Последние? — переспрашивает Анатолий Панкевич. И сразу отвечает: — Портреты писомистов. Закончили вот сейчас, в новых, портреты четырех покорителей Всеполиной — Василия Лазарова, Олега Макарова, Петра Климчука и Валентина Лебедева.

Художники мастерски показывают большую листы, сохранившимися поглощенные светом сияниями. Но листов не четыре — двадцать левить. Появляется портретная галерея советских космонавтов. Художники показывают, что они вошли в альбом, который выпускает издательство «Изобразительное искусство».

Обычно, когда говорят о творчестве А. И. Яр-Кравченко, вспоминают портреты выдающихся государственных деятелей, полководцев, писателей. А тут вот — космонавты. Что это — расширение тематического диапазона, новое направление художнического интереса?

Анатолий Панкевич не соглашается с такой постановкой вопроса:

— Меня ведь всегда интересовали люди спасильные, волевые, талантливые, люди германского склада...

На красном столе, за которым мы беседуем, среди бумаг лежит зданием гагаринская книга «Дорога в космос». На первой странице разместилась надпись Юрия Алексеевича, подарившего

книгу человеку, который «стал хорошо изображен... сильно характеры летчиков».

Однако авторитетный отзыв первого космонавта, показалось, не убедил, я прибавил загадок творческого пристрастия мастера. В самом деле, откуда оно, такое глубокое понимание свыше характера портре-тажа? С большим вниманием слушали ребята бывший секретарь райкома, комсомола, пионер 1925 года, член партии Павел Петрович Филиппов. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Лето 1934 года. Из разных уголков республик съезжаются ребята из Башкирии, в отставке Павла Петровича Филиппова. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Лето 1934 года. Из разных уголков республик съезжаются ребята из Башкирии, в отставке Павла Петровича Филиппова. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Разгадку неожиданно привнесла побольшая темно-коричневая фотография, на которой изображена девушка, несильно дескать вазы — запечатлен странный, подпитанный музикант с открытым взгля-дом. Летчик.

— Кто это?

Аватолий Панкевич смеется:

— Вам покорный слуга.

Вот, оказывается, в этом зе-ле не только художники, но еще и летчики. Такова была ее военная «профессиональность».

Впрочем, и в ту пору профес-сия была — художник. А па-фронте ушел добровольцем, был стрелком-радистом, ле-тил на боевых самолетах, сражался за город Ленинград. И создал огромную портретную галерею однополчан. Где же они теперь, друзья-однопол-чаны?..

Показывает картину — старые и со-всем новые. А потом споры возобновляются о космической серии берет портрет Германа Титова:

— Тоже одновозрастники.

— То есть... — как?

— Самым натуральным об-разом. Случился в одном по-квартирном ученик.

Бывают же такие совпаде-ния! Но ведь не при говорят, что во всякой случайности есть свою закономерность.

Беседа о «космической га-лерее», кажется, пришла к логическому заверше-нию, как вдруг из динамика послышалось сообщение: в космос — новый советский космик!

Знатят, пора слова готовить краски, точить карандаши, — улыбнулся, сказал А. И. Яр-Кравченко. Вот «автоги-

стия радости художника — спешить за преградным ходом горнорусского времени. Попытав-ся восхищаться. Каждый раз — и мы являемся свиди-телями этого — от сюрприза новыми красками красоты по-ловеческой...

Неплох и демонстрационный павильон по механизму для заня-тий в восьмом классе. Авторы его — студенты В. Черепанов и В. Шамшин (руководитель

Группа победителей-конкурса «Междуродного конкурса имени П. И. Чайковского. Слева направо: Сильвио Шаш (Венгрия) — вторая премия; Степан Евстатианс (Болгария) — вторая премия; Колон Ковал (Венгрия) — вторая премия; Людмила Сергиенко (СССР) — вторая премия.

Фото В. Кузьмина и А. Колькова. (Фотохроника ТАСС).

книгу человека, который «стал хорошо изображен... сильно характеры летчи-ков».

Однако авторитетный отзыв первого космонавта, показалось, не убедил, я прибавил загадок творческого пристрастия мастера. В самом деле, откуда оно, такое глубокое понимание свыше характера портре-тажа?

Слушали ребята бывший секретарь райкома, комсомола, пионер 1925 года, член партии Павла Петровича Филиппов. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Лето 1934 года. Из разных уголков республик съезжаются ребята из Башкирии, в отставке Павла Петровича Филиппова. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Лето 1934 года. Из разных уголков республик съезжаются ребята из Башкирии, в отставке Павла Петровича Филиппова. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Разгадку неожиданно привнесла побольшая темно-коричневая фотография, на которой изображена девушка, несильно дескать вазы — запечатлен странный, подпитанный музикант с открытым взгля-дом. Летчик.

— Кто это?

Аватолий Панкевич смеется:

— Вам покорный слуга.

Вот, оказывается, в этом зе-ле не только художники, но еще и летчики. Такова была ее военная «профессиональность».

Впрочем, и в ту пору профес-сия была — художник. А па-фронте ушел добровольцем, был стрелком-радистом, ле-тил на боевых самолетах, сражался за город Ленинград. И создал огромную портретную галерею однополчан. Где же они теперь, друзья-однопол-чаны?..

Показывает картину — старые и со-всем новые. А потом споры возобновляются о космической серии берет портрет Германа Титова:

— Тоже одновозрастники.

— То есть... — как?

— Самым натуральным об-разом. Случился в одном по-квартирном ученик.

Бывают же такие совпаде-ния! Но ведь не при говорят, что во всякой случайности есть свою закономерность.

Беседа о «космической га-лерее», кажется, пришла к логическому заверше-нию, как вдруг из динамика послышалось сообщение: в космос — новый советский космик!

Знатят, пора слова готовить краски, точить карандаши, — улыбнулся, сказал А. И. Яр-Кравченко. Вот «автоги-

стия радости художника — спешить за преградным ходом горнорусского времени. Попытав-ся восхищаться. Каждый раз — и мы являемся свиди-телями этого — от сюрприза новыми красками красоты по-ловеческой...

Неплох и демонстрационный павильон по механизму для заня-тий в восьмом классе. Авторы его — студенты В. Черепанов и В. Шамшин (руководитель

Анатолий Панкевич) не соглашаются с такой постановкой вопроса:

— Меня ведь всегда интересовали люди спасильные, волевые, талантливые, люди германского склада...

На красном столе, за которым мы беседуем, среди бумаг лежит зданием гагаринская книга «Дорога в космос». На первой странице разместилась надпись Юрия Алексеевича, подарившего

книгу человеку, который «стал хорошо изображен... сильно характеры летчи-ков».

Однако авторитетный отзыв первого космонавта, показалось, не убедил, я прибавил загадок творческого пристрастия мастера. В самом деле, откуда оно, такое глубокое понимание свыше характера портре-тажа?

Слушали ребята бывший секретарь райкома, комсомола, пионер 1925 года, член партии Павла Петровича Филиппов. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Лето 1934 года. Из разных уголков республик съезжаются ребята из Башкирии, в отставке Павла Петровича Филиппова. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Лето 1934 года. Из разных уголков республик съезжаются ребята из Башкирии, в отставке Павла Петровича Филиппова. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Разгадку неожиданно привнесла побольшая темно-коричневая фотография, на которой изображена девушка, несильно дескать вазы — запечатлен странный, подпитанный музикант с открытым взгля-дом. Летчик.

— Кто это?

Аватолий Панкевич смеется:

— Вам покорный слуга.

Вот, оказывается, в этом зе-ле не только художники, но еще и летчики. Такова была ее военная «профессиональность».

Впрочем, и в ту пору профес-сия была — художник. А па-фронте ушел добровольцем, был стрелком-радистом, ле-тил на боевых самолетах, сражался за город Ленинград. И создал огромную портретную галерею однополчан. Где же они теперь, друзья-однопол-чаны?..

Показывает картину — старые и со-всем новые. А потом споры возобновляются о космической серии берет портрет Германа Титова:

— Тоже одновозрастники.

— То есть... — как?

— Самым натуральным об-разом. Случился в одном по-квартирном ученик.

Бывают же такие совпаде-ния! Но ведь не при говорят, что во всякой случайности есть свою закономерность.

Беседа о «космической га-лерее», кажется, пришла к логическому заверше-нию, как вдруг из динамика послышалось сообщение: в космос — новый советский космик!

Знатят, пора слова готовить краски, точить карандаши, — улыбнулся, сказал А. И. Яр-Кравченко. Вот «автоги-

стия радости художника — спешить за преградным ходом горнорусского времени. Попытав-ся восхищаться. Каждый раз — и мы являемся свиди-телями этого — от сюрприза новыми красками красоты по-ловеческой...

Неплох и демонстрационный павильон по механизму для заня-тий в восьмом классе. Авторы его — студенты В. Черепанов и В. Шамшин (руководитель

Анатолий Панкевич) не соглашаются с такой постановкой вопроса:

— Меня ведь всегда интересовали люди спасильные, волевые, талантливые, люди германского склада...

На красном столе, за которым мы беседуем, среди бумаг лежит зданием гагаринская книга «Дорога в космос». На первой странице разместилась надпись Юрия Алексеевича, подарившего

книгу человеку, который «стал хорошо изображен... сильно характеры летчи-ков».

Однако авторитетный отзыв первого космонавта, показалось, не убедил, я прибавил загадок творческого пристрастия мастера. В самом деле, откуда оно, такое глубокое понимание свыше характера портре-тажа?

Слушали ребята бывший секретарь райкома, комсомола, пионер 1925 года, член партии Павла Петровича Филиппов. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Лето 1934 года. Из разных уголков республик съезжаются ребята из Башкирии, в отставке Павла Петровича Филиппова. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Лето 1934 года. Из разных уголков республик съезжаются ребята из Башкирии, в отставке Павла Петровича Филиппова. Перед их глазами прошли картины жизни в детстве 30-х годов.

Разгадку неожиданно привнесла побольшая темно-коричневая фотография, на которой изображена девушка, несильно дескать вазы — запечатлен странный, подпитанный музикант с открытым взгля-дом. Летчик.

— Кто это?

Аватолий Панкевич смеется:

— Вам покорный слуга.

Вот, оказывается, в этом зе-ле не только художники, но еще и летчики. Такова была ее военная «профессиональность».

Впрочем, и в ту пору профес-сия была — художник. А па-фронте ушел добровольцем, был стрелком-радистом, ле-тил на боевых самолетах, сражался за город Ленинград. И создал огромную портретную галерею однополчан. Где же они теперь, друзья-однопол-чаны?..

Показывает картину — старые и со-всем новые. А потом споры возобновляются о космической серии берет портрет Германа Титова:

— Тоже одновозрастники.

— То есть... — как?

— Самым натуральным об-разом. Случился в одном по-квартирном ученик.

Бывают же такие совпаде-ния! Но ведь не при говорят, что во всякой случайности есть свою закономерность.</p